

Елена Блаватская

Заколдованная жизнь



Кармические видения

Елена Блаватская

Заколдованная жизнь

«Public Domain»

Блаватская Е. П.

Заколдованная жизнь / Е. П. Блаватская — «Public Domain»,
— (Кармические видения)

Содержание

Введение	5
1. История незнакомца	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Елена Блаватская

Заколдованная жизнь

Введение

Была темная холодная ночь в сентябре 1884 года. Тяжелый мрак спустился над улицами маленького городка на Рейне и повис, подобно черному погребальному покрову, над скучным фабричным местечком. Большая часть его обитателей, изнуренных дневным трудом, давно уже удалилась на покой.

Все было тихо в большом доме; на опустелых улицах царила тишина.

Я тоже лежала в постели; но увы, не для отдыха, а пригвожденная на несколько дней страданием и болезнью. Так тихо было в доме, что, по выражению Лонгфелло, тишину эту можно было почти расслышать. Я могла ясно разобрать движение своей крови, как она стремительно пробегала по моему больному телу, производя то монотонное пение, которое хорошо знакомо страдающему от бессонницы. Я прислушивалась к этому пению, пока оно не перешло в моем воображении в шум водопада, в падение могучих водных потоков... Как вдруг, изменяя внезапно свой характер, «пение» перешло в другие, более приятные звуки. Это был тихий, вначале едва слышный, шепот человеческого голоса. Он приближался и, постепенно усиливаясь, говорил в самое мое ухо. Так звучит голос, проносясь по неподвижному голубому озеру в одном из тех удивительных акустических проходов среди снеговых гор, где воздух так чист, что произнесенное за полмили слово кажется прозвучавшим вот здесь, у самого вашего уха. Да, это был голос того, к кому нельзя было относиться без глубокого почитания; голос, с которым для меня были соединены глубокие мистические воспоминания; голос, всегда для меня желанный в течение многих лет и особенно желанный в часы душевных и физических страданий, ибо он всегда приносил с собой луч надежды и утешения. «Бодришься... – прошептал он мягким ласкающим звуком. – Думай о днях, проведенных в светлом общении; думай о великих истинах, подслушанных у природы, и о многочисленных человеческих заблуждениях относительно этих истин и попробуй прибавить к ним новый опыт. Пусть рассказ о странной и интересной жизни наполнит эту ночь и поможет сократить часы твоих страданий... Внимание! Смотри туда перед собою!»

«Туда» означало большие светлые окна пустого дома по ту сторону узкой улицы немецкого городка. Они выходили как раз против окна, перед которым стояла моя кровать. Послушная приказанию, я устремила глаза по указанному направлению, и то, что я увидела там, заставило меня на время позабыть страшную боль, которая терзала мою распухшую руку и мое ревматическое тело...

Над окнами полз туман; густой, тяжелый, извивающийся, беловатый туман, похожий на огромную тень гигантской змеи, медленно развертывающей свои кольца.

Постепенно туман бледнел, исчезал, и за ним показался блестящий свет, нежный и серебристый, словно на поверхности окон отразились тысячи лунных лучей с тропического неба – сперва снаружи дома, а затем и внутри, наполняя пустые комнаты. Далее я увидела тот же туман, удлинившийся и перекинувшийся в виде воздушного моста от заколдованного окна на мой балкон, а затем и на мою собственную постель. Пока я продолжала глядеть, окна, стены и самый дом внезапно исчезли. На месте, где были пустые комнаты, я увидела внутренность иной небольшой комнаты, которую я признала за швейцарское шалэ – рабочий кабинет, старые, темные стены, покрытые от пола до потолка книжными полками, на которых виднелось много древних фолиантов. Посреди комнаты стоял старомодный стол, заваленный манускриптами и письменными принадлежностями. Перед ним, с гусиным пером в руке, сидел старый

человек, мрачный, худой как скелет, с лицом до того тонким, бледным и пергаментным, что свет одинокой лампы отражался двумя яркими точками на его выдающихся скулах, словно они были выточены из слоновой кости.

Когда я осторожно приподнялась на подушках, чтобы хорошенько разглядеть его, все, и шалэ, и рабочий кабинет, и полки, и книги, и сам пишущий заколебались и начали двигаться. Медленно начали они приближаться все ближе и ближе, бесшумно скользя по облачному мосту, перекинутому через улицу, проплыли сквозь закрытое окно моей комнаты и под конец остановились у самой моей постели.

«Прислушайся к тому, что он думает и что собирается писать, – услышала я успокоительные звуки того же знакомого, издали звучащего голоса. – Ты услышишь рассказ, который сократит для тебя длинную бессонную ночь и заставит на время забыть твои страдания... Попытайся!»

Я пыталась исполнить, что было мне велено. Я сосредоточила все мое внимание на одинокой пишущей фигуре, которую видела перед собой, сама оставаясь для нее невидимой. Вначале скрип гусяного пера, которым старый человек писал, не передавал ничего, кроме тихого, шепчущего звука, который трудно описать. Затем до моего слуха начали постепенно доноситься неясные слова слабого, отдаленного голоса, и мне казалось, что наклоненная над манускриптом фигура читала свою повесть вслух вместо того, чтобы писать ее. Но вскоре я убедилась в своей ошибке. Взглянув на старого человека, я увидела, что губы его крепко сжаты и неподвижны, голос был слишком тонкий, чтобы быть его голосом. Еще удивительнее, что при каждом слове, написанном его слабой старой рукой, я видела свет, сверкающий из-под его пера, большие разноцветные искры, которые немедленно превращались в звук. Это и был маленький голос гусяного пера, его-то я и слышала, хотя и пишущий, и перо могли быть за сотни миль от Германии. Такие вещи случаются иногда, в особенности по ночам, «под звездным пологом которых мы познаем, – как выразился Байрон, – язык иных миров...»

Как бы то ни было, слова, произнесенные гусяным пером, остались надолго в моей памяти. Да мне и не трудно было восстановить их; стоило мне присесть с мыслью записать их, как вся история, неизгладимо запечатленная на астральных таблицах, начала в последовательных картинах проходить перед моим внутренним взором. Так всегда бывает со мной, и мне остается только переписывать то, что я вижу перед собой. К сожалению, мне не удалось узнать имени моего ночного гостя. Несмотря на это я надеюсь, что читатель найдет записанную мной историю небезынтересной для себя.

1. История незнакомца

Место моего рождения – маленькая горная деревушка, горсть швейцарских коттеджей, брошенных в солнечном уголке, между двумя разрушенными глетчерами, над которыми поднимается покрытая вечными снегами вершина. Туда тридцать семь лет назад я возвратился искалеченным физически и нравственно, надеясь умереть; но чистый, живительный воздух моей родины решил иначе. Я все еще жив; может быть, чтобы свидетельствовать о фактах, которые я глубоко скрывал от всех, рассказать ужасную повесть, которую я предпочел бы скрыть навеки.

Многие будут склонны рассматривать все эти события с точки зрения высшего Промысла; но я никогда не верил в Провидение, и все же я не могу приписать их простой случайности. Я связываю эти события с одной основной причиной, от которой произошло все последующее. Слабым, старым человеком стал я ныне, но физическая слабость не подорвала моих умственных способностей. Я вспоминаю мельчайшие подробности той страшной причины, которая породила такие роковые результаты. Они-то и убеждают меня в действительном существовании того, кого я желал бы – и как страстно желал! – считать созданием своей фантазии, преходящей тенью горячего страшного сна! О это ужасное, кроткое и всепрощающее, это праведное и таинственное существо! Именно этот образец всех добродетелей и отравил так жестоко всю мою жизнь. Это он выбил меня с такой силой из безопасной колеи моей прежней жизни, это он внушил мне уверенность в потусторонней жизни, прибавив этим еще один лишний ужас к без того уже погубленному существованию...

Чтобы выяснить положение вещей, я должен сказать несколько слов о себе. О, как желал бы я изгладить всякое воспоминание об этом ненавистном *себе!*

Рожденный в Швейцарии от французских родителей, которые видели всю мировую мудрость в литературной троице Вольтер-Руссо-Гольдбах, и воспитанный в германском университете, я вырос полнейшим атеистом. Я не мог себе даже представить что бы то ни было, а тем более единое Существо, – поверх или вне видимой природы, отличное от нее. Поэтому я считал все, неспособное пройти через точный анализ физических чувств, чистейшей химерой.

Душа, думал я, если предположить, что у человека есть душа, должна состоять тоже из материи.

По определению Оригена, *incorporeus* – эпитет, который он дает своему богу – означает субстанцию, лишь более тонкую, чем наше физическое тело, о которой мы, в лучшем случае, не можем иметь никакой определенной идеи. Каким же образом то, о чем наши чувства не дают нам никакого ясного представления, может быть видимым и стать осязаемым проявлением?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.